

Михаил Афанасьев

КАК ЗАПУСТИТЬ ДЛИННЫЙ СЦЕНАРИЙ

КАКОЙ ДЛИНЫ РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА?

Сменяющие друг друга правления запоминаются и входят в историю не столько своими началами, сколько финалами. Президент В. Путин и те из его сотрудников, кто отвечает за политическую повестку, хорошо это знают и, безусловно, стараются как можно ярче отыграть финал путинской восьмилетки. От игры кремлевской команды зависит, к сожалению, слишком многое, так что следить за ней, хочешь не хочешь, а нужно.

Первое, на что следует обратить внимание, — *зияющее отсутствие в финальной повестке генеральных лозунгов путинского правления*, которые обещали заложить основу глобальной конкурентоспособности России, заменив олигархический капитализм сильным правовым государством и обеспечив двукратный рост ВВП. Нельзя сказать, что неудачи на стратегических направлениях замалчиваются. Наоборот, президент Путин громко назвал факторы торможения национального развития. Это набравшая новую силу бюрократия и могущественные «кланы», через которые «ничего нельзя провести». Никакой внутренней связи между политикой своей администрации и указанными явлениями президент, естественно, не усмотрел. Но в любом случае мы слышали горькое признание того факта, что российская модель — в других случаях и в более мажорных контекстах эту модель принято называть «суверенной демократией» — даже после окончательного перевода ее на ручное управление, едет не так и не туда...

А ведь при этом действующая администрация с первых своих дней не знает поражений во внутренней политике и, не считая изрядно поредевшего террористического подполья на Северном Кавказе, сокрушила уже все преграды на широких просторах нашей Родины. *Победоносная политика с обескураживающим стратегическим результатом — вот парадоксальная формула нынешнего правления, которая обнаруживает ключевое противоречие кремлевской властной механики.*

Чтобы разобраться с указанным парадоксом и выявить системное противоречие нового кремлевского абсолютизма, вспомним, какого рода проекты обычно удавались действующей администрации. Окинув мысленным взо-

ром соответствующий событийный ряд, мы увидим, что это всё «короткие» и «конкретные» проекты, связанные с концентрацией властных полномочий и экономических активов под административно-олигархическим контролем правящих групп путинского призыва: подчинение региональных начальников, наказание непослушных капиталистов, разрушение конкурирующих политических предприятий, перераспределение собственности.

А теперь посмотрим, какие проекты действующей администрации не даются. У нашей без спору могущественной верховной власти не получают стратегические проекты, которые требуют долговременной широкой социальной солидарности и (или) мобилизации на основе национальных интересов – независимо от того, определяются ли таковые национальные интересы через демократическую процедуру или постулируются самой верховной властью.

Регулярные сокрушительные победы на коротких дистанциях и не менее регулярные срывы длинных стратегий являются закономерным следствием привычного алгоритма деятельности правящих кругов и более широких групп интересов – алгоритм этот не сегодня заведен, но именно сегодня стал универсальной общепризнанной «формулой жизни». Любой достаточно долго повторяющийся «порядок работы» постепенно формирует социальные привычки, устойчивые установки и механизмы взаимодействия индивидов, рихтует и переиначивает формальные публичные институты и, в конце концов, воспроизводит субъект социального развития того или иного типа. Другими словами, постоянная *незадача с реализацией длинных сценариев совсем не случайна и связана с разрушением в нашем обществе механизмов воспроизводства адекватных таким сценариям социальных субъектов*. Длинные стратегии можно конструировать где угодно и когда угодно, но реализуются они лишь в определенных социальных условиях. Формулировать и претворять в жизнь долгосрочные стратегии могут политические режимы двух принципиально различных типов: во-первых, это режимы, где действует основанный на политической конкуренции механизм отбора и ответственности правящих групп; во-вторых, режимы, где срабатывает авторитарный контроль над правящим классом и привычная дисциплина среди управляемых.

Нынешний президентский режим в России под лозунгом обеспечения суверенитета и конкурентоспособности страны на глобальной арене свернул всякую публичную конкуренцию в обществе и в самой правящей элите, после чего «вдруг» оказался не в силах взнудать заматеревшую в президентских и подпрезидентских вертикалях многоэтажную бюрократию. Кремль может «нагнуть» отдельного олигарха и посадить отдельного «оборотня», но не способен обеспечить реальную исполнительскую дисциплину ни в верхах, ни в низах российского общества. В этом запоздалом и показушном абсолютизме, собственно, нет никакой иной энергии, кроме общей привычки к негражданскому бюрократическому правлению. Поэтому регулярно повторяемые лозунги национального «прорыва» ни в ком не рожают надежды, и уже вернулись навязчивые воспоминания о брежневской номенклатуре,

пировавшей на трех китах: негражданском согласии верхов и низов, тотальной коррупции и нефтяной премии.

«Конкретные» практики и сценарии нынешней администрации глубоко укоренены в известных обычаях выборочного применения закона, когда власть не столько блюдет правила и наказывает всякого нарушителя, сколько манипулирует правилами, исходя из своих текущих интересов и резонансов. Резоны могут приводиться разные — от национальной безопасности до ускорения реформ, однако основным инстинктом правящих остается монополизация власти. Российский политический процесс сегодня — настоящий заповедник основного инстинкта. Воля к власти выступает универсальным языком социальной коммуникации, который понятен народу, легитимирован представителями высокой культуры, пронизывает официальное и в еще большей степени неофициальное общение господствующего класса. Такой язык — привычное средство для облечения частного интереса в «государственную» форму. Чем выше административный монополизм и меньше политической конкуренции, тем больше возможностей для манипулирования и злоупотреблений властью на всех ее ветвях и уровнях. *Административная вертикаль неустанно возводится для «наведения порядка» и всегда оказывается бюрократическим гуляй-полем, где каждый стремится получить доступ к административному ресурсу и, добравшись, использует его «по полной программе». Общественные проекты и национальные цели становятся разменной картой в «короткой» игре частных и групповых интересов.* Долгосрочные государственные стратегии быстро осваиваются соответствующими группами и коалициями «верховников» (на каждом этаже вертикали — свои верхи) и превращаются в имитационные, «пиаровские» формы с совершенно иным — олигархическим, частно-корпоративным, клиентелистским, то есть сиюминутным содержанием.

Многие толкуют о том, что такое болото хорошо бы подморозить, но практически никто в нынешней России не готов платить за такое замораживание своим интересом и удобством. В потребительском обществе возможности авторитарно-мобилизационного сценария принципиально ограничены, а риски неприемлемы для самих верховников. Но коли так, то для реализации длинных сценариев национального развития *нет другого пути, кроме как выстраивание широких сетей социального доверия, сотканного не из вертикальных связей патронажа и подданства, а из горизонтальных отношений солидарности и кооперации.* Однако так называемая «выборная монархия», о которой у нас в последнее время говорят много и чуть не с гордостью, таких сетей гражданского доверия не создает. «Доверие», которое культивирует и которым любитесь нынешний президентский режим, совсем иного свойства. У высшего рейтинга две некрепкие опоры: с одной стороны, согласие подданных не мешать властям в обмен на то, чтобы власти «позаботились о людях» либо просто «не мешали жить»; с другой стороны расчет разрастающейся бюрократии и бюрократической буржуазии на нестесненное извлечение административной ренты, понимаемое как законное кормление с верной службы. На таком доверии можно царствовать, но нельзя изменить национальную судьбу.

Судя по всему, действующая администрация с этим уже смирилась — она желает царствовать, а выбор российской судьбы оставляет потомкам. Так называемый технический кабинет министров, созданный для неукоснительного претворения в жизнь кремлевского курса, не смог определиться даже с трехлетним планом экономического развития — прожили и так. Социально-экономической стратегии от правительства больше никто не ждет, все понимают, что теперь не до того. Место правительственной программы заняли кремлевские «национальные проекты», прицельная дальность которых для всех очевидна — выборы конца 2007 и начала 2008 годов. Нацпроекты мало похожи на пусковой комплекс для обновленной российской экономики, но куда больше — на раздачу денег из нефтегазовых сверхдоходов. Соответствующим образом обозначена их сериальная драматургия и героическая задача уполномоченных провайдеров во главе с главным куратором — добиться, чтобы выделяемые деньги и блага дошли до адресатов. Без напряжения всех существующих и пристройки дополнительных административных вертикалей здесь, конечно, не обойтись. Федеральное казначейство, Контрольное управление президентской администрации, Прокуратуру и Счетную палату усилили специальной правительственной комиссией; с новой силой заработали назначенные главы регионов и назначенные присматривать за ними президентские полпреды; уже скоро укрупнят вузы и перейдут к назначению ректоров.

С объявленными ранее институциональными реформами — административной, образовательной, здравоохранения — новые проекты никак не увязаны. Надо ли долго говорить, о чем это свидетельствует? *Если приоритетные задачи государственного управления концептуально и технологически не связаны с программой институциональных изменений, значит, институциональных изменений не будет. Особенно важен и симптоматичен фактический отказ от административной реформы, ведь эта реформа имеет ключевое значение для российской модернизации, и действующая президентская команда не раз объявляла, что берется за административную реформу настоящим образом.* Однако в финальных нацпроектах от принципов административной реформы — разделение функций заказчика и исполнителя услуг, приближение центра принятия решений к потребителю, бюджетирование, нацеленное на результат, — не осталось и следа. Ровно так же ничего общего с административной реформой не имеет порядок назначения глав регионов — главное из последних политических завоеваний Кремля с бесспорным вертикальным эффектом и весьма сомнительной стратегической перспективой.

Ноу-хау национальных проектов — изъятие из казны лишних нефтедолларов и направление их на доброе дело — произвело на всех наблюдателей столь большое впечатление, что людей теперь трудно будет остановить. Даже самые косные бюрократические слои спешно осваивают навыки проектного мышления, что уж говорить о передовых отрядах господствующего класса! Например, новые хозяева АвтоВАЗа решили без отрыва от основного занятия — экспорта вооружений — спасти отечественный автопром и сходу предложили инициативную программу спасения ценой в \$5 млрд.

бюджетных денег. Ввиду срочности и важности дела уже действующую государственную программу развития автомобильной промышленности, равно как и ее разработчика – Минтопэнерго, решили проигнорировать и подали предложения непосредственно М. Фрадкову. Конечно, экспортеры оружия имеют особые заслуги перед Родиной, но ведь и остальные тоже не лыком шиты, а спасать в России ох, сколько всего нужно!

Впрочем, наше начальство готово не только спасать гибнущее, но и создавать новое, причем самое передовое. Например, передовые общественные институты и технологии. В ближайшее время гражданское общество станет, вероятно, самым ответственным участком государственного строительства. Смешные теории, противопоставляющие гражданское общество государству, уже никого не могут ввести в заблуждение. В сознании продвинутых российских верхов гражданское общество отныне – такой же атрибут национального суверенитета, как армия. Надо ли объяснять, что атрибут национального суверенитета требует неусыпного государственного надзора и дружественного финансирования? Так что ребрендинг молодежных движений («Наши», «Местные», «Молодая гвардия» с «Политзаводом»), формирование Общественной палаты, заявка на создание Общественного телевидения – это начало. Некоммерческое слово и дело будут поставлены на правильные рельсы.

Конечно, рассуждая трезво, все эти социальные раздачи, бюджетные капложения и пропагандистские предприятия вряд ли заслуживают звания «национальных проектов» – даже если указанные начинания будут доведены до конца, они мало изменят российское общество и хозяйство. Что касается национальной экономики, то ее лицо по-прежнему определяет нефтегазовый сектор. И вот тут прослеживается последовательность действий, которая действительно похожа на стратегию. Причем по своим целям, средствам, по механизму разработки и реализации это корпоративная стратегия в узком смысле слова. Точнее говоря, мы имеем дело со стратегиями двух главных государственных корпораций – Газпрома и Роснефти. Влияние крупнейших корпораций на государственную политику, конечно, явление далеко не уникальное и, в общем, естественное. Но *Газпром и Роснефть – не просто крупные лоббисты и заказчики государственной политики, они сегодня, без преувеличения, составляют само государство. Как встарь, государство наше там, где сидит государева дружина.* Поэтому именно в корпоративных планах и действиях двух главных олигархических групп российского патроната сосредоточена сегодня вся государственная, в том числе президентская, политика: дружественные и недружественные поглощения, концентрация самых прибыльных активов под государственно-олигархическим контролем, размещение акций для привлечения западных инвесторов, диверсификация рынков сбыта углеводородного сырья и путепроводов, альянсы с крупными корпоративными игроками на Западе, жесткая ценовая политика в отношении стран СНГ. Идеологическим оформлением этой политики стало провозглашение курса на энергетическое лидерство России в глобальной экономике, за которым легко просматривается амбициозная ставка на глобальное

лидерство Газпрома и Роснефти. Помимо этих генеральных планов, в новой «энергетической повестке» Кремля содержатся также правильные тезисы о глубокой переработке сырья и энергосберегающих технологиях, которые давно всем известны и по-прежнему не выполняются. Собственно, Россия и без того лидирует по экспорту газа, а по нефти уступает лишь Саудовской Аравии. И совершенно ясно, что такого лидерства недостаточно для того, чтобы сделать российскую экономику качественно более развитой и устойчивой. Решение этой действительно общенациональной задачи принципиально не сводимо к реализации маркетинговых стратегий крупнейших сырьевых госкомпаний.

НАСТОЯЩАЯ ПРОБЛЕМА 2008 ГОДА

Официальные уполномоченные лица и их помощники, отвечающие за политическую повестку дня, недвусмысленно сообщают, что главной проблемой начавшегося предвыборного периода должно быть обеспечение преемственности государственной власти. То есть россияне должны хорошо видеть и понимать опасности, которые их поджидают при сходе с единственно правильного пути. Поскольку обострение террористической угрозы в конце восьмилетней борьбы с терроризмом не уместно, а угроза оранжевой революции не просматривается, в список опасных поворотов включены русский шовинистический изоляционизм, а также реванш удаленных от власти олигархов. Конечно, политическая актуальность таких угроз достаточно умозрительна, а общая немощь оппозиции и даже прямая зависимость некоторых «плохих парней» от Кремля совершенно очевидны. Но на то и пропаганда, чтобы говорить и показывать, причем адресно, по отдельным целевым аудиториям: для озабоченных социальной справедливостью – социальные проекты; для патриотов Отечества – козни врагов и соседей; для либеральной интеллигенции – угроза русского фашизма.

Не знаю, удастся ли уполномоченным лицам сделать наш выбор осознанным, но в том, что они сделают его легким, нет никаких сомнений. Никто не сомневается в том, что действующая администрация победно завершит операцию «преемник». С точки зрения рядового россиянина, вообще нет никакой проблемы с преемственностью государственной власти: на кого укажет Путин, за того и проголосуют. Власть должна позаботиться о том, чтобы не было хуже. А о том, что может быть лучше, сегодня говорить как-то не принято.

И тут мы снова упираемся в парадокс победоносной политики с ничтожным стратегическим результатом. Правящий слой всецело сосредоточен на «проблеме 2008 года» и привычно решает ее как спецоперацию. Такое привычное решение сопряжено с дальнейшей порчей публичных институтов, вплоть до полного обесмысливания публичной политики и выборов как ее квинтэссенции. В самом деле, *зачем нужны политические дебаты и выборы, если заведомо ясно, что лучше быть не может? Ведь если допустить, хотя бы теоретически, что у страны может быть лучшее правление, необходимо понимать,*

откуда ему взяться: кто, почему и как готов такое лучшее правление обеспечить? Однако характер правящего режима, его победивший основной инстинкт требуют устранения всякой альтернативы на подконтрольном политическом пространстве, в том числе внутри самой партии власти. Российский патронат вертикально выстроен и приведен к присяге на личную верность — разговорчики в строю исключены. Тем временем реформы, призванные модернизировать чудовищно неэффективный госаппарат и переориентировать государственное управление на запросы потребителей, задвинуты в долгий ящик. Федеральные и местные чиновники открыто говорят о том, что теперь до выборов ничего менять не будут.

Вот она — настоящая проблема 2008 года: *в российском обществе сегодня отсутствует политический субъект, способный к проведению национальной стратегии, и в 2008 году ему взяться неоткуда, так как сломан политический механизм для формирования национально ответственной и стратегически годной элиты.* Зато запущен другой механизм — от-

чуждения политической «самости» и последовательной подмены публичных институтов их имитациями. В несамостоятельные технические органы превращены палаты Федерального собрания, Правительство, суды. Теперь очередь дошла до самого президента. Нынешнему кремлевскому режиму нужно сохранить себя и минимизировать транзакционные издержки, связанные со сменой первого лица. То есть, нужен надежный преемник и продолжатель. Но тут все не просто. «Надежный преемник» — это не очень надежно. Например, если преемником будет лидер одной из конкурирующих группировок верхушечников, это грозит расколом нынешней правящей коалиции. Да и вообще, если преемник — яркий лидер, от него можно ждать всякого. Путин сам был «надежным преемником», соблюдал договоренности, обживал Кремль и перестраивал власть под себя. Но тогда восходящая популярность Путина была нужна как ему, так и выведшей его на орбиту старой «семейной» элите. Сегодня все иначе: путинская власть не в пример крепче ельцинской, Путин сохраняет высокий персональный рейтинг и далеко не стар. Вероятность его возвращения на президентство в 2012 году выглядит высокой. В любом случае, Владимир Путин и сложившаяся вокруг него олигархическая коалиция, думая о преемнике, совершенно не озабочены поиском нового национального лидера. Наоборот, чересчур способный продолжатель «дела Путина» — это главный риск предстоящего политического предприятия. Ясно, что преемник своим восхождением на президентский пост должен быть обязан олигархической коалиции во главе с Путиным, но отнюдь не собственной силе и яркости. Наоборот, личная харизма, полити-

В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ СЕГОДНЯ
ОТСУТСТВУЕТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ
СУБЪЕКТ, СПОСОБНЫЙ К ПРОВЕДЕ-
НИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ, И
В 2008 ГОДУ ЕМУ ВЗЯТЬСЯ НЕОТКУДА

ческая удачливость и свой, независимый от Путина, рейтинг популярности являются для любого претендента в преемники нежелательным обременением. Таким образом, *нетерпеливый вопрос – кто будет преемником Путина? – следует существенно уточнить и поставить в политически корректной формулировке: кто будет техническим президентом?*

Сегодня в политических верхах заговорили о том, что партия, победившая на выборах в законодательное собрание того или иного субъекта Федерации, должна предлагать президенту кандидатуру на пост главы региона, которую президент «вернет» для формального согласования в региональный парламент. Вполне понятно, что речь идет о единой партии всероссийского начальства, но тем не менее с введением этого порядка пока не слишком спешат. Действующему президенту такое пятое колесо в телеге ни к чему – даже для «пиара» ничего не дает. А вот в отношении следующего президента подобное номенклатурно-политическое обременение может приобрести вполне практический смысл. Далее, под разговоры об усилении роли партии как цивилизованного механизма политического представительства такой порядок, скорее всего, распространят и на федеральный уровень, то есть *правящая партия будет предлагать будущему техническому президенту кандидатуру нового технического премьер-министра. Смотрите внимательней – перед нами готовый механизм номенклатурного правления, который совершенно не годен для обеспечения публичной ответственности, зато идеально подходит для олигархического контроля, теневого торга и лоббистских разменов.*

С высокой вероятностью можно предположить, что Владимир Путин после проведения президентских выборов в 2008 году будет сосредоточен на том же, на чем сосредоточился сегодня – на реализации корпоративной стратегии энергетического лидерства. Технический же президент с остальными техническими ветвями государственной власти будут заняты выяснением и определением новых границ дозволенного. Спрашивается, кто будет заниматься долгосрочной стратегией развития страны? Уж не партийное ли руководство «Единой России», которая в плановом порядке выиграет парламентские выборы 2007 года? Если партия к этому готова, то что ей мешает выступить стратегическим лидером уже сегодня? Вопрос, понятное дело, риторический, поскольку ответ очевиден: мешает сама природа существующего политического режима, несамостоятельным служебным элементом которого выступает эта партия.

Показательна история с незадавшимся обсуждением экономической программы «Вернуть лидерство!», по замыслу ее разработчиков из журнала «Эксперт», призванная восполнить дефицит стратегического видения в наших правящих верхах и предложить программную основу для консолидации передовой, самостоятельной и конструктивно настроенной части российского общества. В программе выясняются возможности, условия и способы достойного участия России в международном разделении труда и ставятся весьма амбициозные задачи. Основным же недостатком указанной программы, на мой взгляд, является полное игнорирование вопроса о политических условиях и субъекте реализации подобной стратегии. Види-

мо, авторы предполагали, что «вопрос созрел»: партия власти осознала неотложность выбора и запуска долгосрочной стратегии и готова к серьезному пересмотру собственного образа деятельности — достаточно создать и представить добротный интеллектуальный продукт, чтобы он стал программой действий российской правящей элиты. Однако политического обсуждения этого либо какого-то иного варианта национальной стратегии не произошло ни на красноярском съезде «Единой России», ни на заседаниях клуба «4 ноября», созданного вроде бы для консолидации правых, либерально-консервативных сил внутри партии власти. Оказалось, что от власти стратегию обсуждать просто некому: одни отвечают за график принятия нужных законов, другие — за реализацию «национальных проектов», третьи — за связи с общественностью, а вот выбирать стратегию никто не уполномочен. Круг замкнулся.

УСЛОВИЯ ЗАПУСКА

Следует сказать честно, что наши шансы на запуск длинного сценария малы; кроме того, в преддверии 2008 года они несколько не растут, а напротив, уменьшаются. Операция «преемник» ничего общего с запуском длинного сценария не имеет, зато вполне может привести к закреплению номенклатурного правления, в которое уже вырождается нынешняя «выборная монархия».

Ситуация может быть изменена, но в завершающий период путинской администрации должны быть произведены несколько решительных политических изменений для создания фундаментальных условий и запуска механизма политической конкуренции. Краткий перечень необходимых изменений составляет *программу-минимум возрождения российской политики*, которую могут поддержать все противостоящие номенклатурной деградации общественные силы вне зависимости от идеологических разногласий и партийной принадлежности. На мой взгляд, требуется, по меньшей мере, три принципиальных изменения.

Перво-наперво, необходимо *объявить и реально обеспечить правило: прокуратура — вне политики*. За последние восемь лет прокуратура стала главным инструментом олигархических разборок и политических зачисток. До тех пор, пока прокуратуру можно использовать для давления на политических оппонентов или бизнесменов, вкладывающихся «не в ту команду», цивилизованной политики в стране не будет. Действительное исключение прокуратуры из политики требует довольно продолжительной эволюции всего политического режима, однако надо с чего-то начинать. Публичное политическое обязательство дела, конечно, не решит, но и оно имеет значение. Определенной институциональной гарантией должна стать реформа прокуратуры, о необходимости которой говорится много и давно. Структурные решения могут быть различными, например, с формированием федерального следственного комитета или без него, но в любом случае дознание и надзор за его законностью должны быть институционально разделены и проку-

ратуре следует сосредоточиться на функциях государственного обвинения в суде. Опыт показывает, что прокуратура, оставшаяся в неизменном виде аж со сталинских лет, легко и с размахом может быть использована каждой новой утверждающейся во власти группой верховников против своих конкурентов, в том числе вчерашних союзников и даже покровителей. Так что сегодня — самое время задуматься и провести не только пересадку прокурорских начальников, но и назревшую реформу.

Второе условие для возрождения цивилизованной политической конкуренции — *решительная либерализация законодательства о партиях*. Действующий закон и основанная на нем правоприменительная практика создали механизм довыборного административного отбора коллективных участников избирательного процесса. В значительной мере политический рынок заменен рынком административным. Что мы получили в результате такой подмены? Во-первых, созданы самые широкие возможности для верховного произвола и манипуляций по продвижению угодных и блокированию негодных партий или партийных лидеров (самые известные примеры: Либеральная Россия и Б. Березовский, Партия пенсионеров и В. Гартунг, Демократическая партия России и М. Касьянов, «Родина» и Д. Рогозин). Во-вторых, многократно повысилась взяточность хитромудрого процесса регистрации политических партий в Минюсте и территориальных управлениях юстиции (плюс неофициальные, но обязательные согласования в Администрации президента). В-третьих, «допущенные» партии быстро превращаются в рентополучателей, участвующих в шоу с заранее распланированными ролями. В итоге сформирована закрытая, глухая к социальной динамике, скорее декоративная, чем работающая партийная система. Отмена беспрецедентных, неоправданно жестких и откровенно ангажированных цензов — пятидесятитысячного барьера численности партий; запрета на формирование предвыборных блоков; семипроцентного проходного барьера на парламентских выборах — совершенно необходима, без нее трудно рассчитывать на оживление и перезапуск политической системы, на формирование новых политических субъектов, адекватных масштабу национальных задач.

Даже в случае либерализации законодательства формирование новых политических партий потребует времени. При этом нам по-прежнему будет непонятно, чего от всех этих партий ждать, поскольку ни одна из них, включая «Единую Россию», никогда не формировала правительство. Похоже, что до весны 2008 года страну охватит предвыборный бюрократический паралич, который вполне может перейти в паралич послевыборный. Поэтому необходимо третье и самое главное изменение — *замена технического кабинета кабинетом политическим уже сегодня*. Безусловно, это идет вразрез с логикой операции «преемник», которая никакого политического кабинета не предполагает вообще. Однако нашей стране такое изменение чрезвычайно нужно. И действующая администрация может на это пойти, если сознает *возможность и целесообразность разделения двух разных политических вопросов: с одной стороны, преемственность верховной власти и гарантии общественно-политической стабильности; с другой стороны, стратегия и энергия преобразований*.

Вопрос о преемственности власти может и должен решаться на президентских выборах. Вопрос о программе и субъекте преобразований – это вопрос о политически ответственном кабинете и механизме такой политической ответственности.

Использование поста председателя Правительства только лишь в качестве иерархической ступеньки, на которую поближе к президентским выборам должен успеть взойти преемник Путина, было бы пустой, если не преступной, растратой времени и политической энергии, а их и так не хватает России. Вместо этого президент Путин уже в ближайшее время мог бы предложить Государственной Думе определиться по кандидатуре нового председателя Правительства. Здесь важно соблюсти несколько принципиальных условий. Президент должен в предварительном порядке внести в Думу не одну, а две-три кандидатуры, а парламентарии должны определить свои предпочтения рейтинговым голосованием. Эти предпочтения президент вправе учесть при собственном выборе и представлении кандидатуры премьер-министра на окончательное согласование в Государственную Думу. Те две-три кандидатуры, из которых президент и парламент будут выбирать премьер-министра, должны быть признанными лидерами соответствующих управленческих команд и представлять конкурирующие программы развития. Сформированное таким образом достаточно профессиональное и консолидированное правительство будет вынуждено «крутиться» и доказывать свою конкурентоспособность – ведь оно сможет обеспечить себе политическое будущее только в случае достижения убедительных результатов еще до парламентских выборов. Конкурирующие политические команды – правящий и теневой (теневые) кабинеты – вполне могут стать центрами консолидации новых партий, а предстоящие выборы в Государственную Думу приобретут реальную политическую повестку, интересную не только партийным политикам, но и избирателям.